

Лейкин Николай Александрович

Не в масть. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Не в масть. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 242 с.

ISBN 978-5-519-92955-4

ISBN 978-5-519-92955-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Розанъ потомъ-съ... А я пока на минутку...

Шаферъ нѣсколько въ замѣшательствѣ.

— Какъ? Да вы развѣ еще безъ кареты? слышались вопросы.

— Карету за невестой женихъ потомъ пришлетъ... Я послѣ за невестой приѣду, отвѣчаетъ шаферъ.

— Да когда-же, батюшка, послѣ, если невеста почти совсѣмъ готова и черезъ полчаса ужъ въ церкви вѣнчаніе назначено! возмущается отецъ невесты.

Смущеніе шафера усиливается.

— Я къ вамъ, Петръ Михайлычъ... произноситъ онъ нерѣшительно, обращаясь къ отцу невесты.—Я по дѣлу... Пожалуйста сюда на минутку, на пару словъ...

— Что такое? что такое? испуганно спрашиваетъ Петръ Михайловичъ и идетъ съ нимъ въ столовую.

— Женихъ не ѣдетъ вѣнчаться... тихо говоритъ шаферъ, наклонясь къ его уху.

— Т-т-то-есть какъ это? удивленно спрашиваетъ Петръ Михайловичъ.

— Вы меня простите... Это не отъ меня... Я тутъ не причемъ... но... Женихъ не надѣваетъ мундира.. «Пока, говоритъ, мнѣ четырехъ обѣщанныхъ тысячъ не додадутъ, я и вѣнчаться не поѣду»...

— Позвольте... Какихъ-же четырехъ тысячъ?.. Я за невестой даже лишній мѣховой салопъ даю ..

Петръ Михайловичъ чувствуетъ, что его ударило въ потъ.

— О салопѣ онъ ничего не говорилъ, но о че-

тырехъ тысячахъ... Одиннадцать тысячъ онъ получилъ на руки, но четырехъ ему не дано.

— Да вѣдь на четыре-то тысячи приданаго, одиннадцать да четыре—вотъ и будетъ пятнадцать.

— Ничего не знаю-съ... Онъ говоритъ, что ему пятнадцать тысячъ деньгами обѣщано.

— Что за вздоръ! Я пятнадцать тысячъ съ приданнымъ обѣщаль и приданаго сдѣлалъ даже больше чѣмъ на четыре тысячи. Я лишній салопъ далъ.

— О салопѣ онъ ничего не говорилъ, но насчетъ рыбнаго котла упоминалъ. Въ приданой описи онъ показанъ, а его не прислали. Не прислали и мѣдный кубъ на плиту. Потомъ въ описи сказано фарфоровый столовый сервизъ, а на самомъ дѣлѣ сервизъ фаянсовый.

— Ну, народъ! развелъ руками Петръ Михайловичъ.—Позвольте... Да что-же онъ раньше-то молчалъ! Приданое вѣдь еще третьяго дня ему послано.

— Ничего не знаю... Вы меня, Петръ Михайлычъ, извините, но онъ прямо говоритъ: «мундира, говоритъ, не надѣну, пока... четыре тысячи»...

— Фу, ты пропасть! Онъ долженъ слушать ухомъ, а не брюхомъ. Я явственно говорилъ: пятнадцать тысячъ вмѣстѣ съ тряпками. Помилуйте, что-же теперь дѣлать? Вѣдь такъ не годится...

— Этого ужъ я не знаю, но онъ говоритъ: пятнадцать чистоганомъ, и не хочетъ ѣхать вѣнчаться, рѣшительно объявляетъ шаферъ.

Полное замѣшательство. Отецъ невесты бѣгаетъ по столовой.

— Ну, господа чиновники! Ну, благородные! И это называется благородство! восклицаетъ онъ.

— Вы, Петръ Михайлычъ, купецъ и сами очень хорошо понимаете, что чиновникъ, ежели онъ женится на купеческой дочкѣ, то ужь, понятное дѣло, рассчитываетъ... объясняетъ шаферъ.—А вы ему не додали.

— Вздоръ! Пятнадцать я съ тряпками общалъ. Шаферъ разводитъ руками и говоритъ:

— Какъ хотите, а онъ мундира не надѣваетъ. Или поѣзжайте и вручите ему сейчасъ четыре тысячи, или онъ вѣнчаться не поѣдетъ.

— Боже мой! Вотъ скандалъ-то! Позвольте... Да гдѣ-же я ему сейчасъ четыре тысячи найду!

— На это я уполномоченъ вамъ сказать, что онъ приметъ и форменный купеческій вексель въ четыре тысячи по предъявленію... отвѣчаетъ шаферъ.

— Ну, благородство! Ну, честность! Благодарю... Не ожидалъ! всплескиваетъ руками отецъ невѣсты.

— Честность, Петръ Михайлычъ, должна быть обоюдная.

— Да поймите вы, что я не общалъ ему пятнадцати тысячъ!

— Стало быть, это недоразумѣніе, но вѣнчаться онъ все-таки не поѣдетъ, пока...

— Зачѣмъ-же онъ тогда дотянулъ до послѣдней минуты! Вѣдь это низко...

— Да вѣдь вы дотянули до послѣдней минуты. Онъ сидитъ и ждетъ, а вы не ѣдете съ деньгами:

— Съ какими деньгами? Никакихъ ему больше денегъ не слѣдуетъ.

— Какъ хотите, а онъ не поѣдетъ вѣнчаться, ежели не получить отъ васъ сейчасъ-же векселя и записки съ обязательствомъ доставить рыбный котелъ, мѣдный кубъ и обмѣнить фаянсовый сервизъ на фарфоровый.

— Но вѣдь это-же свинство, скотство!

— Прошу васъ воздержаться на языкъ, Петръ Михайлычъ, иначе дѣло можетъ быть непоправимое и вашей дочери придется снять съ себя подвѣчное платье, не ѣздивши въ церковь.

Отецъ невесты сжимаетъ кулаки.

— Кровопійцы... Сутяги... шепчетъ онъ.

— Бога ради, потише, Петръ Михайлычъ... замѣчаетъ шаферъ и спрашиваетъ:—Такъ какъ прикажете: одному мнѣ ѣхать или съ вами?

— Пойдите... Я и сообразить не могу... Четыре тысячи... Кубъ мѣдный... Тьфу!

— Кубъ мѣдный и мѣдный рыбный котелъ... поправляетъ шаферъ.—Кромѣ того, сервизъ.

— Поѣдемте... Но тогда я второй мѣховой салопъ отберу.

— Салопомъ, я полагаю, онъ не подорожитъ. Это дѣло вашей дочери.

— Вотъ торгаши-то! Я его обмундировалъ, пальто ему мѣховое на свои деньги сшилъ, а онъ...

— Ежели женится человѣкъ безъ средствъ, то иначе, Петръ Михайлычъ, и быть не можетъ. Жалованье у него маленькое, а между тѣмъ вашу-же дочку кормить придется; такъ какъ-же торгашемъ-то не быть? Недостающія четыре тысячи, сами знаете, даютъ

двѣсти рублей процентовъ... На квартиру, на дрова .
годится. Такъ ѣдемъ?

— Да погодите, дайте шапку-то взять. Кромѣ
того, женѣ сказать надо.

Петръ Михайловичъ выходитъ въ гостиную. Изъ
спальной выскочилъ его маленькій сынишка и поетъ:

— На Катю платьѣ надѣли! Въначальное платьѣ!
Катя невѣста!

Отецъ размахивается и даетъ ему такого подза-
тыльника, что тотъ реветъ въ голосъ.

II.

ТЕЦЪ невѣсты быстро и въ припрыжку вбѣ-
галъ вслѣдъ за шаферомъ по лѣстницѣ, на-
правляясь къ квартирѣ жениха, вряхтѣлъ и
бормоталъ:

— И ништо тебѣ, подлецу: не роднись съ благо-
роднымъ, не лѣзь, куда не слѣдуетъ!

У самыхъ дверей квартиры шаферъ обернулся и
сказалъ:

— Позвольте, Петръ Михайлычъ, тутъ вовсе не въ
благородствѣ дѣло, ежели онъ отъ васъ четыре ты-
сячи требуетъ. Онъ обѣщанныя требуетъ.

— Шишъ съ масломъ—вотъ ему обѣщанныя! Кто
ему дастъ и одиннадцать-то тысячъ чистоганомъ,
ежели у него у самаго всей требухи-то на стертый
пятіалтынный! воскликнулъ Петръ Михайловичъ...
Это только моя была дурость.

— Объ этомъ раньше было нужно думать, Петръ Михайлычъ.

— Вѣрно. Но вотъ былъ дуракъ и не подумалъ. А онъ...

— Понятное дѣло, женится на деньгахъ, подхватилъ шаферъ.—Теперь ужъ говоримъ глазъ на глазъ... Какъ вы сами-то этого не понимаете!..

Они вошли въ квартиру жениха. Мебель въ квартирѣ была съ иглочки и даже еще свѣжимъ лакомъ пахла. «Все мое, каждый стулъ мой», злобно мелькнуло въ головѣ Петра Михайловича. Онъ вбѣжалъ въ кабинетъ. Женихъ—Порфирій Васильевичъ Курнышкинъ, молодой, прилизанный худенькій чловѣкъ съ усиками, въ однихъ брюкахъ и крахмальной сорочкѣ, по бокамъ которой виднѣлись вышитыя гарусомъ подтяжки—подарокъ невѣсты, шагаль по кабинету.

— Какъ вамъ не стыдно, Порфирій Васильичъ, такой скандалъ дѣлать! началъ отецъ невѣсты.—Потѣжане собрались въ мой домъ, ждемъ присыла за невѣстой кареты, а вы...

— Какъ вамъ не стыдно, Петръ Михайлычъ, не держать своего слова, перебилъ его женихъ, дѣлая удареніе на словѣ «вамъ».—Обѣщали за невѣстой пятнадцать тысячъ, а выдали только одиннадцать.

— Одиннадцать и на четыре тряпокъ и мебели—вотъ вамъ и пятнадцать.

— Сдѣлайте одолженіе... Не на того напали! Не оплетете. У насъ о пятинадцати чистоганомъ разговоръ былъ.

— Позвольте... Съ какой-же стати вы вчера одиннадцать взяли и ничего не сказали?

— Да потому не сказалъ, что думалъ, что вы мнѣ четыре сегодня привезете. Просто изъ деликатности. Вспомните, какъ вы мнѣ ихъ давали. Сначала пять, черезъ день три, вчера опять три и на все сохранныя росписки на имя дочери вашей требовали—ну, я и думалъ, что вы принесете сегодня послѣднія четыре и послѣднюю сохранныю росписку потребуете, а вы до самаго вѣнчанія дотянули и все васъ нѣтъ. Не на того, батенька, напали! Деньги на бочку—или я и мундира надѣвать не стану.

— Какъ это хорошо съ вашей стороны, такой скандалъ дѣлать! А еще благородствомъ чванитесь! проговорилъ Петръ Михайловичъ.

— Вы дѣлаете скандалъ, а не я. Знаю я васъ купцовъ! Поддѣтъ думали, но не удастся.

— Никого мы не поддѣваемъ. Купеческія фирмы только довѣріемъ и держатся.

— Знаю я ваше довѣріе! Въ прошломъ году еще мой товарищъ на купеческой дочкѣ женился—и такое ему довѣріе прописали, что въ лучшемъ видѣ. Насулили горы, а дали шипъ. А еще у благочестивой вдовы дочку взялъ. Тоже фирму изъ себя разыгрывала. «Двадцать пять, говоритъ, тысячъ за Шурочкой». Тотъ предложеніе... Вдова ему передъ вѣнцомъ три тысячи на экипировку... Передъ самымъ вѣнцомъ дѣлаетъ намекъ насчетъ остальныхъ денегъ. «Ахъ, деньги ея, говоритъ, у меня въ фирмѣ»... То есть невѣстины-то деньги. «Деньги ея, говоритъ, у меня въ фирмѣ, онѣ ваши и вы будете на нихъ

ежегодно получать изъ фирмы хорошіе проценты». Тотъ съ дуру-то повѣрилъ, повѣнчался да вотъ и по сейчасъ получаетъ проценты въ видѣ разговоровъ: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Никогда я этого не говорила». Да еще что! «Это, говоритъ, вамъ во снѣ приснилось». Ну, а я ужъ не желаю такихъ разговоровъ.

— Я въ фирмѣ денегъ не оставляю. Я просто не обѣщала вамъ этихъ четырехъ тысячъ, которыя вы требуете, отвѣчала отецъ невѣсты.

— И сирая вдовица говорила, что не обѣщала.

— Вамъ, Порфирій Васильичъ, просто отъ меня хочется четыре тысячи лишнихъ выжать.

— Нѣтъ, вамъ, Петръ Михайлычъ, хочется отъ меня четыре тысячи ужилить.

— Да берите, берите. Сама себя раба бьетъ, что плохо жнетъ. Связался съ такимъ, такъ ужъ на себя и пѣнай.

— Не хотите-ли разойтись? Но смотрите, вѣдь я протори и убытки взыщу.

— Какіе? Что я обмундировалъ васъ съ ногъ до головы, квартиру вамъ нанялъ, мебель поставилъ въ нее съ иглочки, все хозяйство завелъ?

— Хозяйство! Куба мѣднаго не додали, котла рыбнаго не представили.

— Извольте-съ... Денегъ у меня теперь нѣтъ, но я выдамъ вексель..:

— Давайте хоть вексель... Только вексель «по предъявленію».

— Получите. Нельзя-ли будетъ въ табачную лавочку за вексельной бумагой послать?

— Вексельная бумага у меня ужъ припасена. Садитесь и пишите. Давно бы такъ... А то вдругъ дочь свою родную на четыре тысячи обижать! Вотъ вамъ бумага. Садитесь и пишите!

— Перо и чернилъ позвольте. Только смотрите, вексель я буду писать на имя моей дочери, а вы мнѣ дадите сохранную росписку, что приняли вексель на храненіе.

— И это такъ съ зятемъ-то поступать! Ахъ, вы, фирма!—воскликнулъ женихъ.

— А съ тестемъ вы хорошо поступаете? Ахъ, благородство тоже!

— Опытomъ проучень. На товарищѣ опытъ вижу. Пишите.

— Пишу. Но и вы пишите.

— И я буду писать.

Оба сѣли и начали строчить—одинъ вексель, другой—сохранную росписку.

Женихъ писалъ и говорилъ:

— А рыбный котель и мѣдный кубъ?

— Деньгами дамъ. Сами можете купить, отвѣчалъ отецъ неврѣсты.

— Также ужъ и разницу между стоимостью фаянсоваго и фарфороваго сервиза потрудитесь присоединить.

— Хорошо, хорошо.

— Вотъ это тоже развѣ благородно: обѣщали фарфоровый столовый сервизъ, такъ и въ приданую роспись включили, а дали фаянсовый. Ахъ, вы, фирма!

— Да вѣдь ужъ получаете, все получаете, даже и то получили, что отъ насъ не обѣщано.

— Что такое?

— Второй мѣховой салопъ. Его нѣтъ въ росписи.

— Не мнѣ въ салопъ ходить, а вашей дочери.

— Халать вамъ шелковый невѣста подарила, а его тоже нѣтъ въ росписи.

— Это подароѣкъ. За подароѣкъ я ей самъ больше пуда конфектъ въ разное время перетаскалъ.

— Готовъ вексель.

— И у меня готова росписка. Вотъ-съ.

— И отъ меня вотъ. А вотъ деньги на кубъ и рыбный котель.

— А на сервизъ?

— Вторымъ салопомъ мѣняюсь.

— Ну, тестюшка!

— Да ужъ и зятюшка хорошъ! Миръ?

Отецъ невѣсты протянулъ жениху руку. Тотъ пожалъ ее и отвѣчалъ:

— Свой своему поневолѣ другъ. Вася! Поѣзжай за невѣстой. Я начну одѣваться! крикнулъ онъ своему шаферу.

Отецъ невѣсты выходилъ изъ кабинета и тяжело вздыхалъ,
